К 120-летию со дня рождения Г. Тукая

«Родной язык, святой язык...»

(По материалам Национального архива РТ)

В этом году отмечается 120-летие выдающегося татарского народного поэта Габдуллы Тукая. Его творчество составляет целую эпоху. «Народный поэт Габдулла Тукай занимает в истории татарского народа, в истории его культуры исключительное место», — писал в 1951 г. Ахмед Файзи[1]. «Образный и чисто народный язык его стихов, — отмечал Муса Джалиль, — обогатил народную литературу и дал ей большую выразительность. Г. Тукай является создателем татарского литературного языка»[2].

Трудно поверить, что творческая деятельность Г. Тукая продолжалась всего восемь лет! Но как много он успел сделать за это время. После Тукая остались десятки тысяч строк, более 40 печатных листов публицистики и критики. Народность, художественный лаконизм, тонкий, подлинно народный юмор — все это свойственно произведениям Г. Тукая. Именно он в истории татарской литературы стал одним из родоначальников поэтического оформления народных сказок, сбора и изучения татарского фольклорного наследия.

В историю литературы Г. Тукай вошел и как один из первых популяризаторов классиков мировой поэзии среди татарских читателей. Он переводил стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гейне.

Будущий поэт родился 14 (26) апреля 1886 г. в д. Кушлавыч Казанского уезда Казанской губернии (ныне Арский район РТ). В Национальном архиве РТ сохранилась метрическая запись о его рождении, в которой значится: Габдуллазян, отец — имам Мухаметгариф Мухаметгалимович, мать — Минсафа Зинатовна[3]. Вот что писал сам Тукай в 1909 г. в своих «Воспоминаниях»: «Мой отец, Мухаметгариф, — сын муллы Мухаметгалима из деревни Кушлавыч, в 14-15-летнем возрасте поступил в Кышкарское медресе и, пробыв там ровно столько, сколько нужно было для учебы… вернулся в нашу деревню Кушлавыч, где и стал муллой»[4].

Буквально через пять месяцев после рождения Габдуллы его отец скончался. Его мать повторно вышла замуж, но вскоре умерла. Рано осиротев, Г. Тукай сначала жил у дедушки, который в 1889 г. отвез мальчика в Казань. По словам самого поэта, дед привез его на рынок, где и предлагал любому взять малыша на воспитание. Его воспитателем стал кустарь Мухаметвали.

В 1895 г. девятилетнего Габдуллу отдали на воспитание его двоюродной сестре, жившей в Уральске. В этом городе прошли детство и юность поэта. Здесь он поступил в медресе, здесь появились его первые стихи. Тукай работал в типографии корректором, экспедитором, наборщиком, сотрудничал в газете «Фикер» (Мысль), журнале «Эль-гаср-эль-джадид» (Новый век), где печатал стихи, статьи, фельетоны.

В 1907 г. молодой Тукай переехал в Казань, где совместно с Г. Камалом начал издавать сатирический журнал «Яшен» (Молния), с 1910 г. он работал в журнале «Ялт-Йолт» (Сверкание).

На протяжении всего творческого пути Г. Тукай находился в поле зрения жандармских управлений — Казанского, Уфимского, Вятского. Обнаружение при обыске или аресте у того или иного человека произведений Абдуллы Тукаева, как тогда писали, создавало прецедент для проявления активности правоохранительных органов. В Национальном архиве РТ сохранились почти два десятка архивных дел, в которых так или иначе прослеживается цензура произведений Г. Тукая, надзор за его публикациями, а также переводы отдельных фрагментов его произведений «на предмет определения их тенденциозности»[5]. Так завуалированно в дореволюционный период определялись антицаристская пропаганда, распространение идей пантюркизма, национального возрождения.

В архиве отложился ряд отчетов о деятельности члена Казанского губернского комитета по делам печати Н. Ф. Катанова — востоковеда, профессора университета, активно привлекавшегося к анализу и переводу выходившей в свет татарской литературы. Согласно отчету, среди переведенных им произведений значится стихотворение «Иман» А. Тукаева[6].

Расцвет творчества Г. Тукая совпал по времени со сложными общественными процессами. Наступление периода реакции ознаменовалось, с одной стороны, усилением внимания властей к любой литературе, выходившей на национальных языках, а с другой — бурным развитием татарской национальной печати. В отчете Казанского временного комитета по делам печати за 1910 г. в разделе, касающемся неповременной мусульманской печати, эта тенденция прослеживается весьма отчетливо. «В прошлом 1909 году член комитета, на которого возложена обязанность просмотра мусульманской неповременной печати, при 300 днях годовой работы ежедневно просматривал до 60 страниц в 8 долю листа, а в 1910 году — до 120 страниц ежедневно на языках татарском, арабском, киргизском, изредка персидском и др.»[7]

В указанном отчете обращалось внимание и на появление небольших по объему сборников народных татарских песен, что способствовало росту общественного интереса к истокам татарской литературы. «Появившиеся в течение трех-четырех последних лет маленькие сборники народных татарских песен в нынешнем году вызвали несколько подражаний (например, Г. Г. Рашиди) и вообще обратили на себя внимание татарских поэтов. Так, один из них, А. Тукаев, написал даже небольшое исследование о народной литературе “Халык адабиясе” (Казань, Типография И. Н. Харитонова, изд-во “Сабах”, 43 стр., 2 000 экз.)»[8].

Немало интересного содержится в переписке Казанского временного комитета по делам печати за 1911 г. В архиве сохранилось письмо от 23 июля 1911 г. Казанского губернского жандармского управления с грифом «секретное» председателю комитета о направлении на рассмотрение и заключение члена комитета Н. Ф. Катанова ряда печатных изданий, в том числе брошюру «Стихотворения Абдулы Тукаева». Местных жандармов интересовало, «насколько эти брошюры являются тенденциозными в политическом отношении и могут ли они быть дозволены в обращении среди публики»[9]. В ответном письме Н. Ф. Катанова была высказана просьба наложить арест на четвертую тетрадь стихотворений А. Тукаева, опубликованную в 1907 г. в Казани[10].

Делу был дан ход, однако неожиданную точку в нем поставил прокурор Казанской судебной палаты, направивший 16 декабря 1911 г. официальное письмо в Казанский временный комитет по делам печати. Он уведомлял о том, что «судебная палата не согласна с мнением комитета... и не утвердила ареста на брошюру “Стихотворения Абдуллы Тукаева” ввиду отсутствия в ней признаков преступления, предусмотренного уголовным законом»[11].

В Национальном архиве РТ сохранился подстрочный перевод ряда стихотворений Г. Тукая, в том числе и самого известного — «Не уйдем!», опубликованного в 1908 г.[12] (по другим данным — в 1907 г.[13]). Его строки как нельзя более точно характеризуют настроение татарской интеллигенции в переломный момент истории. С последней трети XIX в. в связи с усилением давления царского режима в среде татарской общественности стала муссироваться идея эмиграции в Турцию. С наступлением периода реакции, последовавшей за событиями первой российской революции, эта идея оживилась, вновь развернулась кампания за переезд татар в Турцию.

Во всех последующих переводах на русский язык, появившихся в годы Советской власти, стихотворение подвергалось значительному литературному редактированию. Однако проникнуть в его подлин-

ный смысл, ощутить пафос, настроение, всю остроту переживаний поэта, его боль за Родину помогает именно подстрочный перевод. Вот он:

1. Негодные позвали нас на неподходящее дело, говоря:
«Здесь нет вам воли, уходите в землю султана».
2. Мы не уйдем, — дело там для нас труднее
здешнего: если здесь 10 шпионов, то там их 15.
3. Как и здесь, там есть казачьи войска, нагайки
те же, что и прежде, разница только лишь в фесках.
4. Там есть и казнокрады, ей-Богу, есть, ей-Богу,
и отнимающие у мужика последний кусок.
5. Дураки что ли мы, чтобы совать себя самих в огонь.
Зачем же это мы будем бросаться из огня да в полымя.
6. Мы переселимся, но прежде пусть переселятся
и наши большие города, а вместе с тем пусть
вернутся прожитые нами века.
7. Здесь мы родились, здесь выросли, здесь и
наша смерть, связал же нас с этою
землею Господь наш (да возвеличится Он и да прославится).
8. Самая великая цель наша — свободное государство, свободная Россия.
Нам не скоро сдвинуться с места, эй, вы, русские черносотенцы.
9. Вот один ясный-преясный ответ, только не на словах, а в печати:
Если (кажется, там) вам лучше, туда пожалуйте, господа, вы сами[14].

То же стихотворение в издании 1951 г. (перевод С. Липкина) звучит следующим образом:

Нам предлагают подлецы, мы слышим черный их совет:
«К султану вы должны уйти, а здесь для вас свободы нет».
Мы не уйдем, мы не уйдем в страну ярма и вечных стонов,
Там вместо здешних десяти пятнадцать мы найдем шпионов!
И там нагайки, как у нас, для тех, кто бьется за права,
И там жандармы, как у нас, да лишь под феской голова!
Там есть казна, и у казны там есть грабители, спасибо!
Пограбить нищих мужиков там есть любители, спасибо!
Иль мы безумцы, чтоб самим идти нам в огненную пасть?
Не видим смысла — из огня да прямо в полымя попасть!
Мы не уйдем туда: уйти не могут города и реки!
Здесь пережитые века пребудут с нами, здесь навеки!
Здесь родились мы, здесь росли, вот здесь мы встретим смертный час,
Вот с этой русскою землей сама судьба связала нас.
Прочь, твари низкие, не вам, не вам смутить мечты святые:
К единой цели мы идем, свободной мы хотим России.
Ответ наш ясный и простой запомнить просим навсегда:
«Вам лучше в Турции? Туда пожалте сами, господа!»[15].

К сожалению, в меньшей степени по сравнению с документами официального характера в архиве представлены автографы самого поэта. Наибольший интерес вызывает автограф его стихотворения «Ике кояш» (Два солнца) (1909), посвященного С. Гиззатуллиной-Волжской — одной из первых татарских профессиональных актрис. Удивительно, какие светлые, возвышенные строчки уместились на листочке бумаги размером чуть больше спичечного коробка!

Лишь вышло солнце — мир лучистый засверкал,
Так Гиззатуллина лишь вышла — счастлив зал.
Всевышний подарил им равный блеск лучей:
Ему играть средь туч, играть на сцене — ей[16].

Актриса сохранила подаренные ей поэтом стихи, и в 1964 г. в составе личного фонда они были переданы на хранение в Национальный архив РТ.

Тонким лиризмом пронизаны и другие стихотворения Тукая. Вот одно из них под названием «Девушкам-татаркам»:

Я люблю стрелы ваших бровей,
На головке корону кудрей, и глаза изумруд, и ваш рот,
Что любовь источает, как мед[17].

Несмотря на все жизненные трудности и невзгоды, Г. Тукай сохранил оптимистическое отношение к жизни. Тонкий юмор наполняет его стихи. Кто не помнит его строки из стихотворения «Больной в деревне»: «Ах картофель, картофель, нет пищи милей для души! Сыт бедняк и богач, и с тобой все блюда хороши!»[18]. Кто не зачитывался в детстве поэмой-сказкой «Шурале», «Водяной», не читал стихотворений из его детского цикла «Счастливый ребенок», «Ласточка»?

Все творчество поэта было пронизано любовью к родному краю, к родному языку. «Родной язык, святой язык, отца и матери язык, — как ты прекрасен. Для меня огромный мир в тебе возник» — эти строчки из стихотворения Г. Тукая «Родной язык» как нельзя лучше характеризуют его творческое кредо.

Народный поэт Габдулла Тукай скончался от чахотки 2 (15) апреля 1913 г. и был похоронен на татарском кладбище.

Но память о Г. Тукае жива. В самые сложные для нашей страны годы Великой Отечественной войны готовились к изданию его произведения, отмечались памятные даты, связанные с его жизнью и деятельностью[19] (60-летие со дня рождения в 1946 г., 30-летие со дня смерти в 1943 г.).

8 апреля 1958 г. постановлением Татарского обкома КПСС и Совета Министров ТАССР № 184 была учреждена республиканская премия им. Г. Тукая «в целях дальнейшего повышения творческой активности в области литературы и искусства». Премия устанавливалась «за наиболее значительные по идейному содержанию и художественным достоинствам произведения литературы, музыки, живописи и за лучшую исполнительскую деятельность»[20].

И наш древний город хранит память о Тукае… Она живет в названиях улицы, площади, сквера, станции метро, в празднике родного языка. Сведения архивных документов служат мостом между прошлым и настоящим наследия Габдуллы Тукая.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Файзи А. Предисловие к изданию // Тукай Г. Стихи, поэмы, сказки. – Казань, 1951. – С. 3.
2. Слово о Тукае. Писатели и ученые о татарском народном поэте. – Казань, 1986. – С. 10.
3. НА РТ, ф. 4, оп. 177, д. 237, л. 353.
4. Тукай Г. Воспоминания // Тукай Г. Стихи. Поэмы. Сказки. – Казань, 1951. – С. 248.
5. См. например: НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 792, л. 196-196 об.; д. 1237, л. 12; д. 773, л. 179-181.
6. НА РТ, ф. 420, оп. 1, д. 171, л. 99.
7. Там же, л. 77.
8. Там же, л. 79 об.
9. Там же, д. 180, л. 57-57 об.
10. Там же, д. 179, л. 143.
11. Там же, л. 180.
12. Там же, ф. 199, оп. 1, д. 773, л. 179.
13. Тукай Г. Стихи. Поэмы. Сказки. – Казань, 1951. – С. 267 (примечания); Агишев Я. Творчество Габдуллы Тукая. – Казань, 1954. – С. 83.
14. НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 773, л. 179-179 об.
15. Тукай Г. Стихи. Поэмы. Сказки… – С. 78.
16. НА РТ, ф. Р-7364, оп. 1, д. 5.
17. Тукай Г. Стихи. Поэмы. Сказки… – С. 51.
18. Там же. – С. 193.
19. НА РТ, ф. Р-128, оп. 2, д. 204, л. 1-4; ф. Р-7083, оп. 1, д. 147, л. 1.
20. Там же, ф. Р-128, оп. 3, д. 583, л. 414.

Людмила Кузнецова,
кандидат исторических наук